

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Найдёныш сел перед распахнутым гробом.

И ударил пальцем по гвоздику с маркировкой «Н».

Затем отступил вниз и влево, пытаясь нащупать маркировку «А».

А в голове, как всегда, безнадежно и навязчиво крутилось:

Что я делаю?

То ли я делаю?

Он вяло отмахнулся от самого себя и продолжил разбираться с гвоздиками.

Никак не удавалось найти знак «Й» – редкая маркировка запрятана в дальнем углу.

Испарина, выступившая на лице при виде гроба, высохла и неприятно стянула кожу.

Палец дрожал. Все пальцы дрожали.

Работать приходилось через силу – «черезнемогу», как говорила мама.

Отчего же она сейчас вспомнилась?

Череда квадратных шляпок назойливо плясала перед глазами.

Тихо-тихо билась в оконце плохая погода...

Он бил молоточками пальцев по гвоздикам-клавишам и сколачивал себе бумажную домовину.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

В редакции журнала «Старый Клин» ночью прорвало трубу – ту, которую какой-то умник спроектировал под потолком первого этажа вместо подвала. А поскольку рукописи до сих пор принимались в бумажном виде – авария нанесла непоправимый ущерб современной литературе.

Всю первую половину дня главный редактор Яков Григорьевич Аванчеев посвятил водным процедурам – расталкивал сантехников, бросался в мутные воды да пытался спасти хоть какие-то материалы. Прочие сотрудники не особо рвались помогать – не шибко-то они болели за искусство. Увы, вода была

горяча, так что почти все присланные рукописи размочило.

Хотя молодым и неизвестным авторам, большинству из которых суждено сделаться со временем неизвестными стариками, это было на руку – тот факт, что работы их более удачливых коллег перемешались с гнилой водой и сгнули в ней, увеличивал шансы попасть в ближайший номер.

И после трёх часов, когда прорыв наконец залатали, эти молодые и неизвестные заполонили коридоры редакции разношёрстной творческой массой – словно их предупредил кто.

Аванчеев принимал неохотно, говорил рассеянно да между делом пытался спасти разваливающиеся от влаги рукописи – раскладывал наиболее сохраненные листы на столе, разглаживал их, ещё сильнее размазывая буквы, да сетовал, что нельзя включить фен. Розетки-то изнутри вымокли.

– Выпуск через две недели! – кричал Аванчеев в телефонную трубку, которая поплавала в водиче и теперь слегка шипела, но была пригодна к использованию – видимо, техника, дожившая до нас с советских времен, не убиваема. – Половины материалов просто нет! Да ну, как здесь успеешь! Нет, присылали из других городов. По почте, разумеется! Ой, вы нашу почту знаете, никто ничего уже не успеет отослать. Нет, переносить выпуск не будем. А как же..? Я вас услышал, и тем не менее... Хорошо. Хорошо. Да.

Пока он беседовал, в кабинете появился сутулый невзрачный человечек в громоздких очках. Человечек мялся у двери, не решаясь пройти дальше, а редактор, поддакивающий в трубку, глядел на него с грустью и пренебрежением.

– Вы кто? – спросил Яков Григорьевич шёпотом, прикрывая ладонью трубку.

– Я Андрей. Вам Оксана Валерьевна присылала...

Аванчеев резким движением руки призвал к молчанию и понимающе

закивал. С того конца провода в очередной раз требовали утвердительный ответ.

– Сядьте, – приказал он, вновь слегка отстраняясь от телефона, затем добавил: – Вы позволите? – имея в виду свой разговор.

Посетитель недоумённо поднял брови – он явно не считал себя тем, у кого спрашивают позволения.

Наконец прозвучало финальное «Да», Аванчеев бросил трубку и стал рыться в ящичке стола.

– Значит, Андрей Найдёныш. Вы подвигайтесь ближе, нечего в уголочке сидеть! Никто не кусается. Кстати, это фамилия или псевдоним?

– Фамилия, – ответил посетитель, придвигаясь к столу.

– Любопытно. Я даже не... а хотя, так даже лучше! У нас в журнале... вы позволите? – Аванчеев вытащил сырую папку из-под локтя посетителя. – У нас в журнале три Егоровых, представляете? Три! И ни один псевдоним не берёт! Их читатели путают, а они заладили, мол, я не безродный, чтоб псевдонимы брать. Честное слово, три человека, а как будто один! И... ох, забыл... вы позволите? – перебил он сам себя и, не дожидаясь ответа, вновь потянулся к телефону. Найдёныш пока ещё не знал, что аванчеевское «вы позволите?» никогда не требовало ответа.

Яков Григорьевич коротко с кем-то переговорил о романе, «не соответствующем нашему формату», и продолжил:

– Да, фамилия у вас... прекрасно! А вот повесть в нынешнем виде не годится.

Найдёныш вытаращил на редактора испуганные глаза, и тот заговорил елейно:

– Да не волнуйтесь вы так! Раз уж сама Оксана Валерьевна... я, правда, не знаю, чем вы её очаровали, но раз уж она! В общем, так и быть, доведём до ума ваш опус.

Найдёныш сразу расслабился – хотя бы не отказ.

– Вот смотрите... чёрт, и ваша повесть размокла! Вы позволите? – Аванчеев требовательно протянул руку.

– Я не взял с собой... извините.

– А как же правки? Или вы решили, что уже сложились как автор и правки вам не нужны? – Аванчеев вновь посмотрел пренебрежительно.

– У меня блокнот, я запишу, – смущенно сказал Найдёныш.

– Воля ваша. Вы знаете, очень важно зацепить читателя. Дать ему нечто... нечто эдакое с первых строк, понимаете? У вас первая глава жутко скучная – какой-то разговор с редактором, ну для чего это? Вторая глава уже поэмоциональней. Хотя, конечно, метафора очень странная! Если у вас творчество ассоциируется с заколачиванием себя в гроб – зачем вообще писать? Нет, вы мне просто объясните – зачем?

– Не могу иначе. Текст как бы вырастает из меня... и...

– Чушь! Если текст вырастает из вас – это не сюда, это к психиатру. Текст надо структурировать. Ну да бог с ней, с вашей мотивацией! Вы поменяйте главы местами – вторую поставьте в начало.

Найдёныш кивнул.

– И ещё. Добавьте... современности, что ли. Пока какой-то конец двадцатого века вырисовывается – разве это актуальная проза? У вас редактор крупного журнала общается по дисковому телефону! Серьёзно?

– Да ведь вы сами...

– Да что я сам! Что я сам, Андрюша! Главное, видеть современность, понимаете? И потом, вас будут читать люди, далёкие от нашей индустрии. И молодые тоже. Причём чаще всего молодые – у зрелых людей на это времени нет. Вы всерьёз думаете, что какая-нибудь девочка девятнадцати лет или студент-второкурсник из Питера поверят в – страшно сказать – дисковый телефон?! Нет, добавляйте современность, добавляйте черты времени. Чтоб дух его витал! А потом приходите – может, и опубликуем.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

В телеграме, ватсапе и вайбере, в день, когда (укажите наиболее громкое событие сегодняшнего дня) и накануне того дня, когда (укажите наиболее громкое событие завтрашнего дня), Андрей обсуждал свою несчастную повесть.

Дома он находился один – жена с ребёнком уехали на дачу на два или три дня (Андрей точно не помнил, на сколько), так что можно было работать круглые сутки над книгой, ни на что особо не отвлекаясь.

С утра в Telegram написал друг:

Weaver, [09:25]
Прочитал.

Weaver, [09:26]
И как бы особо порадовать не могу 😊

Андрей Найденыш [09:26]
Почему?

Weaver, [09:28]
Да странно как-то. Главы до 4-5 примерно было очень круто, особенно все эти непонятки и перестановки. Потом абсурд пошёл. И зачем в конце две сцены с семьей, я тоже не понял. Там, как мне кажется, по одной сцене всё понятно. И вторая абсолютно лишняя...

Weaver, [09:30]
В общем, есть к чему придраться 😞

Андрей Найденыш [09:33]
Там две сцены, чтобы показать процесс в развитии. Ну убрал бы я первую сцену – и, получается, сразу бы читателя огорошил. Я всё-таки за постепенное нагнетание, кто бы там и что ни говорил.

Weaver, [09:37]
Да я не говорю, что убрать надо 😊
Но мне не нравится. А так, я тебе не редактор 😊

Найдёныш открыл файл с повестью, дважды перечитал концовку, но влезать в неё пока не осмелился – отложил в долгий ящик. Да и вообще не шла работа – буквы на мониторе плясали, мысли ворочались медленно да всё вокруг одного и того же – зацепятся за какое-нибудь слово и наворачиваются бессмысленно. Текст выходил вымученным, а клавиатура по-прежнему напоминала гвоздики для обивки гроба.

Найдёныш писал много лет, и много же лет впустую – оттого казалось ему, будто давно уж он не пишет, а строчит себе бумажный гроб.

На часах 10:30. Почти час тупо смотрел в монитор.

От осознания чудовищной потери времени Андрей встрепенулся, выскочил из кабинета и поставил чайник – для кофе.

Две ложки, без сахара, молоко по вкусу.

Пока чайник надрывался в схватке с раскипающейся во все стороны водой, Найдёныш глядел в окно. Напротив громоздились жуткие серые пятиэтажки. Двор был пустой и тоже серый, и даже

зелень в нём как будто посерела. Деревья торчали такими оглоблями, листва на них чахла. Трава почти нигде не росла – землю вытоптали до черноты. Разве что машины яркости добавляли – в каждом закутке, у каждого подъезда наляпаны были серебристыми, красными, бордовыми и синими пятнами. И почему люди так часто выбирают серебристые или красные?

Найдёныш пожал плечами, залил две ложки кофе кипятком и вернулся в невзрачный кабинет. Но текст не ложился.

Найдёныш спрятался от требовательного взгляда ноутбука в телефон и заметил сообщение от Аванчеева – в ватсапе:

Аванчеев, [10:17]:

Доброе утро, Андрей. Чтобы Вас не гонять – подумайте сразу о социальном аспекте. У Вас он хромает – разбор литературной ситуации и судьбы автора давно уже не актуален. Когда я говорил про дух времени – я имел в виду не только современные вещи. Нужен социальный аспект, что-то политическое, какая-то проблема из более значимых, хотя бы общим фоном. Попробуйте что-то с этим сделать.

Что же я с этим сделаю? Или мне перелопатить все новости на «Книдарии» в поисках актуальщины?

Найдёныш схватился за голову. И пока он сидел в три погребели над остывающей чашкой кофе – где-то в Москве ряженые казаки разгоняли митинг в поддержку оппозиции. Размахивали нагайками, топтались по людям, ломали плакаты против Вождя. Какую-то девушку в автозак тащили за волосы. Вдесятером били сопротивляющегося студента ногами в голову. Кричали что-то про майданутых и величие страны. Полицейские им аплодировали.

Вот только не было Андрею до этого дела – его волновала лишь публикация. Долгожданная публикация. Сколько лет положил он ради неё, сколько жертв принёс...

Щелчок, уведомляющий о новом сообщении в социальной сети, отвлёк от мрачных мыслей.

Написала филологиня из Университета – один из бета-ридеров, избранных для ознакомления с книгой:

Ekaterina
Ekaterina 11:27

Здравствуйте. Нет, не впечатлили Вы меня своим опусом. Я за всей этой мрачностью даже идею не смогла увидеть – есть ли она вообще? Существуют определённые каноны искусства, подразумевающие в том числе игру на контрастах. А у вас всё серо, уныло и от однообразия безумно скучно! Казалось бы, можно отдохнуть на описаниях природы, увидеть, что вот же она – настоящая жизнь, вне этого тесного кабинета, вне этих проблем, возвышается над всеми этими мелкими людьми! Но нет – природа у вас совсем не пришивинская, и оттого читать ещё гаже.

Найдёныш невольно усмехнулся – настолько забавным показалось ему замечание. Потом встал из-за стола, размял отёкшие конечности и вернулся к окну.

Перед окном у него был пустырь, весь чёрный от множества комьев глины. Это было очень красиво. Все говорили: «Очень красиво! Пустырь – чёрный». Из пустыря росли красивые изящные деревья. В их ветвях скакали весёлые воробушки, ползали изумрудной россыпью тли, а иногда прилетали со свалки вороны. Ворона – птица умная, много умнее воробья. А воробей – озорник. Раз было с Андреем в городе. Идёт он по тротуару; день красный, жара. Открывается перед ним небольшая клумба, на клумбе высокие цветы, и в цветах ворона кормится, выискивает что-то, клювом щёлкает. Долго он любовался, но вдруг налетели воробьи, окружили ворону весёлой гурьбой. А ворона нет, чтобы улететь – сидит, слушает неугомонный щебет, каркает что-то в ответ недовольно. Андрей много чего в городе насмотрелся, ему всё это просто, но он всё-таки дивился на ворону: такая умнейшая, а на этом месте оказалась такой душой.

Сейчас ворон не было. Только воробьи озорничали. А внизу, под ними, вальяжно расхаживал голубь – всех дурашливее эта птица. А Андрею всё писали и писали в сети, он и не читал – неугомонна была Ekaterina, что те воробьи. А далёкий столичный митинг уж разогнали совсем.

Так день прошёл – в сомнениях и тупом бездействии. Вечером ещё один бета-ридер дал о себе знать:

Сергей
Сергей 20:47

Так-то всё норм. Утяжеляете зачем? Даже главами. Пишете – глава такая-то. И ни

названия, ни описания. Уж проще цифрой обозначить, как по мне.

Найдёныш отвечать не стал. Заставил себя влезть в файл книги и после долгих раздумий вбил три гвоздя:

IV.

Крупный чиновник получил условку за взятку. В лесу ёжик прятался под необыкновенной ёлкой – росла она, конечно, в тени, и оттого сучья у неё были опущены вниз. У каждого студента был смартфон, и всё это совершенно точно имело какое-то отношение к тому, что Найдёнышу не удавалось сесть за книгу – вернулась жена с годовалой дочерью. А дочь выла, навзрыд, и Найдёныш прятался от её воя в кабинете и не работал.

В голове гудело невыносимо. Мельком, как бы невзначай он подумал, что у жены в голове наверняка гудит и того гаже – она-то пытается ребенка спать уложить, а не прячется через стенку от источника воплей. Но мысль тут же исчезла – это сейчас не было важным. А важны были слова, буквы и гвозди в бумажный гроб. Теплилась надежда успеть в ближайший «Старый Клин». На вечер была назначена встреча с Аванчевым, но сейчас только полдень. И надо слушать крик и пытаться поймать за хвост рассыпающийся сюжет.

Что я делаю?

То ли я делаю?

Крик вскоре прекратился. Найдёныш выдохнул с облегчением и стал в спешке записывать в блокнот то, что успел выдумать – он всегда фиксировал мысли на бумаге, чтобы затем, при переводе в печатный вид, придать им более совершенную форму. Увы, почти сразу его прервали – тихо и осторожно ворвалась в кабинет жена. Белокурая, зеленоглазая, с чуть округлой фигурой и измождённым, хотя красивым, лицом.

– Не помешаю?

– Нет, я... я всё уже записал, – рассеянно ответил Андрей, отрываясь от мятых листов. – Ты чего?

– Так. Поговорить хотела. Отрывался бы ты хоть иногда от книг – даже не спросил, как мы съездили.

Найдёныш смутился и с глупой интонацией произнёс:

– Ну и как же вы... съездили?

– Ай, – жена махнула рукой. – Екатерина Ивановна все уши прожужжала,

мол, чего это она у нас орёт перед сном. Дядя Серёжа с ней много гулял, учить чему-то пытался. А деда Яша сказал, что мы её чересчур балуем. Знаешь, Андрей, твоей дочкой занимается кто угодно, только не ты. И что в ней будет *от тебя*, когда она вырастет, а?

– Ну уж не наговаривай. Я с ней позавчера гулял.

– Фантазёр. Не мог ты с ней позавчера гулять. Никак не мог.

– Чего это?

Жена ничего не ответила. Найдёныш отвлёкся на секунду на записи в блокноте, а когда вновь поднял голову – её уже не было.

До вечера работал. Потом распечатал скромные итоги своих изысканий и отправился в редакцию «Старого Клина».

Было это перед самым дождём. Наступила такая тишина, такое напряжение в ожидании первых капель, что, казалось, каждый листик, каждая хвоинка силилась быть первой и поймать первую каплю дождя. И пыль замерла в воздухе – будто знала, что век её перед дождём короток.

Ливень разразился перед входом в здание, да такой сильный, что Найдёныш тут же насквозь вымок. На мусорном полигоне избили протестующих. Ёжик в лесу фыркнул и спрятался под ёлкой – пригород тоже накрыло.

От последствий наводнения в редакции избавились – о прорыве трубы напоминали только рыжие полосы вдоль стен, на четверть метра выше пола. Аванчеев был хмур и занят.

– А, Андрей! Добрый вечер. Ну и промокли же вы! Жуть! Давайте, я быстренько глазами пробегу...

Читал Аванчеев быстро, по диагонали – будто и не читал, а сжёвывал страницы одну за другой и только тем питался. Найдёныш приютился на стуле – в углу, из-за дурацкой привычки вечно прятаться.

– В модернизм балуетесь, я смотрю. Впрочем, воля ваша, вся эта расхристанность... пусть будет. Только... вы позволите? – с этими словами редактор взял ручку и принялся нещадно вычёркивать слова из рукописи. – Сокращайте. Особенно предложения, где у вас мысли нанизываются на одно слово, или как вы там сформулировали. Сокращайте! Нам Достоевский-2 не нужен. Старайтесь делать лаконичные предложения – установите себе лимит,

допустим, не более шести слов. Ну, вылезти за границы можно, но чтобы вот именно к этому стремиться.

Найдёныш почувствовал внутреннее раздражение, поскольку подобная манера писать в литературе его никогда не удовлетворяла, но возражать не стал. С головы его лилась вода. Капала на пол. Он следил за каплями. Был вымотан и отстранён.

– Вы согласны доработать? – уточнил Аванчеев.

– Да.

– И ещё очень странный момент. Я не понимаю, почему у вас персонажи общаются вживую? Вот последний диалог... зачем? Не реалистичней ли будет общение по телефону или электронке?

«Абсолютно с вами согласен», – написал Найдёныш, сидя в своём кабинете. Вскоре пришел ответ:

Аванчеев Я.Г. <avancheev70@usmail.ru>
Кому: Найдёныш А.А.
18:54

Очень рад. Успевайте доработать за неделю – попадёте в ближайший номер. Окончательный вариант присылайте также сюда.

С уважением,
Главный редактор литературного
журнала «Старый Клин»
Аванчеев Я.Г.
avancheev70@usmail.ru

Найдёныш закрыл браузер. За окном показывал буйный нрав ливень. Найдёныш был насквозь мокрый. Хотя за весь вечер никуда не... [превышен лимит слов].

V.

Евгения
Евгения 19:40

Цифрами что-то не то. Я вот недавно прочла книгу. Ох, так интересно главы назывались 😊 Глава такая-то, в которой герой делает то-то и то-то 😊😊 Может, вам тоже так сделать? 😊

Чуть позже, в тот же день:

Николай
Николай 20:41

Начал читать, пока не зашло, извините. Надеюсь, в дальнейшем появится стилистика, актуальная для 21 века.

Замяли коррупционное дело. Листья весело тянулись к солнцу. Рофл.

**ГЛАВА ШЕСТАЯ,
в которой Найдёныш получает
очередные замечания, а некто
Иванов начинает смутно
что-то подозревать.**

Следующим утром Найдёныш гулял. Хотелось проветрить мозги. От дома он свернул к аллее. Аллея тянулась вдоль главной улицы к городскому парку [превышен лимит слов на 2 единицы]. Природа летом – это топ. Голуби смешно курлыкали, занимаясь дауншифтингом. Хайпожоры-воробьи нещадно их гоняли. Люди кругом делали селфи. Какой-то хипстер попросил закурить. Найдёныш отказал, хотя у него было. Хипстеры – они за ЗОЖ, нечего им! На «Книдарии» – пост про чиновничий беспредел. В других новостях – про величие Вождя.

Андрей сел на скамейку, закурил, задумался.

Что я делаю?

То ли я делаю?

В литературе я ньюфаг. Годами старался, а все равно – ньюфаг. Не так старался. Было бы здорово никогда не писать. Работать, заниматься семьёй.

У тебя есть семья.

Есть. Только воспринимается она как помеха. Я так не хочу.

От мыслей отвлек окрик:

– Андрей!

Найдёныш вздрогнул от неожиданности. К нему направлялся давний друг. Тот, что в телеге был Weaver-ом.

– Ты чего пропал-то? Не звонишь, не пишешь. Зашёл бы хоть, сто лет вживую не общались.

– Общение вживую неактуально. Мне так редактор сказал.

– Так и не издают?

– Не-а. До сих пор редактим.

– У тебя там от твоей повести хоть что-то осталось?

Друг глупо засмеялся.

– Нет. Ничего, – ответил Андрей мрачно.

– Да забей ты! Опробовал бы площадки самиздата, их в инете дофига и больше.

– А кому они нужны без продвижения? Там книг издают тонны. И все первые позиции – сплошная порнуха. В прямом смысле слова! А с порнухой тягаться бессмысленно – самый востребованный товар.

– Блин, чувак. Хорошее всегда дорогу найдёт. Слушай, я побегу, ты приходи вечером, ок?

Найдёныш кивнул, зная, что не пойдёт. Друг исчез. Смартфон завибрировал – уведомление.

Ekaterina

Ekaterina 10:12

Здравствуйте. Я вот ещё подумала над Вашей книгой. У Вас нет истории как таковой. Точнее, есть что-то безумно скучное и неудобоваримое, но без симпатичных персонажей оно не работает. А персонажи у вас никакие. Нытик, пишущий книги. За что ж Вы так людей ненавидите, что подсовываете им такое? У персонажа должна быть история. Персонажу с историей можно сопереживать.

Найдёныш родился тридцать один год назад. В задрипанном ПГТ – частный сектор, хрущёвки. И хрущёвки, и дома стояли убитые. Как после бомбежки. Детство – сплошь стычки с гопотой. У очкариков всегда стычки с гопотой. Мама болела. Когда Найдёнышу было девятнадцать, мама умерла. Мама всегда говорила – черезнемогу. Любимая фраза. И Найдёныш черезнемогу учился, черезнемогу дрался. Черезнемогу поступил в город на менеджмент. Черезнемогу работал: кладовщиком, промоутером, рекламщиком, копирайтером. Помощником по продажам, ассистентом, менеджером банка. После – не работал, хотел заниматься книгами. Только ими. Писал тоже черезнемогу. Не нравилось – просто мысли покоя не давали. Образы, возникающие в голове, плодились. Пришлось писать – иначе не мог.

Дальше?

Отказы издательств. Отказы журналов. Чернота. Одна попытка подружиться с петлёй. Факап. Больница – стены обшарпанные, не финансируют. У больницы лиственницы раскинули лапки – красота! После выхода – неожиданная победа в конкурсе. Рассказ написал за день – просто изи. Потом хейтеры, проигравшие в конкурсе. И снова отказы.

Свадьба. Тоддлер.

Неожиданный респект от Оксаны Валерьевны. Она – директор музея региональной литературы. И бесконечная попытка с редактурой.

Ekaterina
Ekaterina 10:25

И ещё. Книги должны в себе что-то нести. Какую-то мораль, чтобы было понятно, зачем вообще Вы это написали.

Мораль: не ходите, дети, книги вы писать.

В лотерею играть и то полезней.

К полудню Найдёныш вернулся домой. На почте было сообщение:

proza@reglit21.ru
Вчера, 23:20

Здравствуйте. Это Оксана Валерьевна. Я тут подумала – у вас странные имена в книге. Вот конкретно главного героя. Я даже погуглила – фамилии Найдёныш, кажется, не существует в природе. Может быть, стоит что-то попроще, поближе к народу, так сказать?

С уважением,
Директор Музея региональной литературы XXI века
Подлédная О.В.

Иванов удивился – раньше она не критиковала. Но спорить не стал.

Еще было сообщение от Аванчеева.

Аванчеев Я.Г. <avancheev70@usmail.ru>
Кому: Иванов А.А.
9:30

Андрей, если успеваете в ближайший «Старый Клин» – сделайте ксерокопию паспорта и привезите мне сегодня, в крайнем случае завтра. Если не успеваете – сообщите.

С уважением,
Главный редактор литературного журнала «Старый Клин»
Аванчеев Я.Г.
avancheev70@usmail.ru

Андрей не помнил, где лежит паспорт. Перерыл все ящики, разворошил бумаги – тщетно. Позвал жену. Она вышла – заспанная, в ночной рубашке. Карие глаза её туманились ото сна. Но паспорт нашла в пять минут.

Иванов Андрей Алексеевич. Родился тогда-то. Прописан там-то. Мутная фотография двадцатилетнего юноши. Этот

юноша ещё не знал бедствий. Не знал, что вся жизнь – бедствие.

Андрей перечитал фамилию – Иванов. Затем по слогам. И. Ва. Нов. В голове что-то шевельнулось. Будто ржавое колесо крутанулось и замерло.

Какой-то сюр.

Пока рылся в бумагах – написали ещё:

ГрОб
ГрОб 12:37

Названия глав ничего не несут. То есть я вообще могу прочитать одни названия, всё понять и забить на книгу. Вот эти описания последующего сюжета – не нужно.

Фэйспалм.

???????

Вечером выслал повесть в «Старый Клин». Сам пошёл на другой день. Надо было занести ксерокопию.

В Рязани студента посадили за мем. Мораль: не репостить. Лето расцветало. Перед редакцией тихонько шуршали свежесаживаемые ёлочки. Под веточкой устроилась бездомная кошка. Проковылял мимо жук-медляк. Причудливыми животными плыли в небе облака.

Аванчеев всю ночь проверял вёрстку. Был зол и измотан. Но Иванова принял.

– Андрей? Проходите.

Иванов, как всегда, забился в угол. Аванчеев строго оглядел его и сказал:

– Я вот что хотел обсудить на будущее. Вы позволите? – протянул руку за ксерокопией. Долго в неё всматривался. – Фамилия у вас такая простая. К тому же, такой писатель уже есть. Ох, Иванов хорошо пишет! Ещё я вам про трёх Егоровых рассказывал. Или не вам?

Андрей такого не помнил, но кивнул.

– В общем, псевдоним бы вам придумать. Иначе вас и не запомнит никто. Вы согласны?

– Конечно, – согласился Иванов, подписывающийся Святославом Белградским.

Аванчеев замялся, стал переключать папки.

– Но это на будущее, – добавил он. – А ксерокопию вы пока зря, пожалуй... вряд ли успеете.

– То есть вы опять не хотите опубликовать?

– Да хочу, очень! Материалов-то не хватает, хоть объём урежай. А это нонсенс! Вместо толстого журнала издать брошюрку! Но вашу повесть в текущем виде издать никак нельзя!

– Это почему же?

Редактор достал из ящика стопку листов. Несколько отложил в сторону. Пробежался глазами, закивал, найдя нужное место. Посмотрел на Иванова и произнёс:

– Вы позволите? Вот вы пишете: «Редактор достал из ящика стопку листов. Несколько отложил в сторону. Пробежался глазами, закивал, найдя нужное место. Посмотрел на Иванова и произнёс: – Вы позволите? Вот вы пишете: "Редактор достал..."». Ну и так далее. Андрюша, ну к чему здесь этот фрактал? Этот уход в бесконечность?

Иванов пожал плечами.

– Такое чувство, будто вы не повесть пишете, а... призываете экспертов к диалогу, что ли. К некому пояснению литературной ситуации.

– Я не думал об этом. Наверное, так и есть.

– Ага. Так, может, не стоит для этого так рьяно ломать четвёртую стену? Не знаю, что и делать с вами. Ох уж мне эти начписы, – Аванчеев презрительно усмехнулся. – Ладно. Так и быть. Времени у вас до завтра, до вечера. Не успеете сделать читабельный вариант – сами виноваты. Оксане Валерьевне я так и объясню.

????????

В тот же день, ближе к ночи:

Сноб

Сноб 23:49

Я даже не буду пытаться играть с Вами в корректность. Не книга, а откровенный зуд графомана. Ужасная стилистическая нестройность! Я догадываюсь, что Вы, вероятно, ни разу не знаток – это заметно. Но постарайтесь – хотя бы постарайтесь на досуге ознакомиться с творчеством нормальных авторов. Например, я сейчас читаю Платонова. Очень мощная стилистика! А у вас-то что? Чуть! Просто чуть! Никакого писательского мастерства.

Иванов ощутил рост в себе нестабильности. Вопрошающий ноутбук светил ему в лицо. Иванов закупорил крышку – хейтеры скучны.

Жена с дочкой спали, наевшись ужином. Иванов обулся и отправился в ночь. Мучительной силой звёзд давило сверху небо. Чёрное, как смоль. И пустырь во дворе был чёрен. Вдали строили техническое благоустройство. Чилаут – в природе было такое положение. В темени стрекотали счастливые сверчки. Ночная птица-озорница прощуршала крыльями. Невозможно передать прелести тёплой летней ночи! Что-то стрельнуло – это шумливо отдыхали полицейские. Иванов ступил на корячину. Растянулся всем своим существом по земле. Мораль: смотри под ноги.

Иванов отряхнулся от комьев земли.

Дома царило сухое напряжение тишины. Для сна нужен был покой ума. Оттого Иванов не спал.

Под утро написали:

Наталья

Наталья 3:45

Мне как-то Толстой по душе, если честно

😊 Лучший автор на свете 😊😊

Иванов схватился за голову.

Утренняя заря только ещё начала окрашивать небосклон несознательными лучами [превышен лимит слов на 3 единицы]. Тёмная поверхность пустыря сбросила уже с себя сумрак ночи и играла весёлым блеском – ей, размытой и чёрной, редко полагалась радость [превышен лимит слов на 14 единиц]. Иванов хотел выдумать что-то вроде счастья. А на улице денная деятельность понемногу... [превышен лимит слов]. Сонные весёлые воробьята щебечут и вылезают... [превышен лимит]. Барбершоп на углу двух улиц уже... [превышен лимит]. Иванов ждал, когда мир станет общеизвестен [лимит], Пришвин затеряется где-то в лесах, и [лимит] по улице начнут проходить: где смена [лимит] рабочих, побрякивая бутылками, где ёжики из [лимит!] землянки, где хипстеры, перетаскивающие винтажный шмот [ЛИМИТ!] и оверсайз, где разгоняющие митинг чиновники, где...

9.

Весь день провалялся в полусне. В голове стало пусто-пусто, будто работающие там жернова засорились и намертво встали. Вечером еле поднялся –

перед глазами плыло красное, точками. Почти сразу написал Аванчеву о том, что повесть будет только утром, необходимо подождать. Но отправить письмо не удалось – на экране высветилось:

Недопустимый адрес

Адрес avancheev70@usmail.ru не существует или заблокирован. Письмо не было послано. Исправьте ошибку и отправьте письмо ещё раз.

Ладно. Я всё равно доделаю. Доделаю и утром буду в редакции. Попытка – она, конечно, с какого-то раза точно пытка, но это не значит, что нужно прекращать.

Иванов внимательно перечитал свой текст. Составил подробный список замечаний от всех бета-ридеров – перечень вышел внушительный и бессмысленный. Дух времени, политические аллюзии, непременно пришвинская природа, мораль, не превышать лимит шести слов в предложении, писать как Платонов, писать как Толстой, главы обозначать цифрами, а лучше давать им названия, а лучше вовсе названий не давать.

Не книга, а откровенный зуд графомана. За что вы так ненавидите людей? Никакого писательского мастерства. Поближе к народу... может, лучше поближе к народу? Зачем вы это написали? И верно, зачем ты это написал?

Голова кругом. Жернова, перерабатывающие мысли, жуют это месиво, и внутри разгорается неистовая злоба.

А замечания лезут в уши, обретают голос, звучат там.

Дух времени, политические аллюзии, с социальным у вас беда зуд графомана надо писать как Толстой нет как Платонов нет как Пришвин главы обозначать/не обозначать чушь никакого мастерства зачем зачем зачем вы это написали уберите то уберите это а нет не убирайте читабельный вариант нужен читабельный вариант ох уж эти начписы проклятая каста выдают графомана зуд зуд зуд... в голове.

В голове зуд – колёса разошлись на полную.

Что ж, Яков Григорьич, хочешь читабельный вариант? Будет тебе читабельный вариант, старый хрыч, светило литературное.

В тишине звенящей ночи стрелки часов задавали ритм: тик-так, тик-так. По ушам било это тик-так.

Иванов выискивал гвоздики с нужной маркировкой и строчил, строчил свою бумажную домовину.

Слова наслаивались друг на друга, бежали вперёд пальцев-молоточков, и разливались две бурные реки. И одна река текла на север, а вторая – на юг. Между ними выросла из перемолотой земли город, разрезанный пополам безымянной аллеей. И на окраине того города стелился чёрным махровым одеялом пустырь. Почва производила жизнь, и вот уж росли до небес деревья – голые, похожие на оглобли, но могущественные, как и всякая умирающая природа. Люди, которые никогда не рождались и потому никогда не умирали, возвели кругом пустыря здания, обтянутые серым панцирем, расставили кляксы машин по углам, но никто там не жил, кроме нелюдимого творца. Творец убивал всё, до чего касался, ибо касался словом.

Иванов отёр пот со лба.

Я не хочу. Я действительно не хочу!

Друг мой, послушай меня. Враг мой, послушай меня. Писатель не тот, кто увлекает читателя лёгкой интригой и балует его ненавязчивым слогом. А тот, кто иначе не может. Хочешь ты или не хочешь – выбора у тебя нет. Или невыговоренное и нерождённое съест тебя изнутри.

А иначе не съест? Разве иначе не съест?

В голове у Иванова кто-то посмеялся. Он выскочил из кабинета как ошпаренный.

За окном плескалась незатейливая заря, всё окрашивалось лиловым.

Иванов тихонько зашёл в комнату к семье. Жена не спала – расчёсывала тёмные свои волосы и глядела на мужа отражением в зеркальце.

– Не ложился?

– Нет. Я скоро в редакцию пойду. Покажу им... читабельный вариант.

Он подошёл к кровати с дочкой. Та тихонько посапывала и шевелила во сне крошечным носом. Он хотел её погладить по пухлому ото сна лицу, протянул руку да так и замер. Потому что лицо у ребёнка плыло рябью, и рассмотреть черты на нём не удавалось.

Надо больше отдыхать. Вот допишу повесть и баста – с семьей буду, наслаждаться настоящей жизнью буду.

До «Старого Клина» Иванов дошёл быстро. Недавно посаженных ёлочек у входа почему-то не было – только голая, раскучуроченная почва.

Аванчеев сидел в своём кабинете и как всегда рылся в бумагах. Вечно он рылся в бумагах – иначе и не застать.

– Яков Григорьевич!

– А, Андрюша. Где ж вы вчера были?

– У вас что-то с почтой. Я пытался вам написать, что сегодня приду.

– И что же у меня с почтой?

– Ящика, мол, не существует.

– А ещё писатель! Неужели не могли что-то более толковое сочинить? Вот и с текстами вашими так...

Иванов смутился, хотя знал, что говорит правду.

– Вы позволите? – с этими словами Аванчеев полез в планшет, поводил пальцем по податливому экрану и вдруг встал как вкопанный. – И вправду... я нигде не зарегистрирован...

Аванчеев побледнел. Страх выступил у него на лбу испариной.

– Вы позволите? – спросил он и не шевельнулся.

Иванов подошёл ближе, а Аванчеев вдруг стал говорить как заведённый одно и то же, но рта при этом не раскрывал:

– Вы позволите? Вы позволите? Вы позволите?

Иванов запаниковал. Хотелось сбежать, но назойливая и механическая речь редактора словно пригвоздила к полу.

– Вы позволите? Вы позволите? Ctrl+C / Ctrl+V? Ctrl+C / Ctrl+V? [Буфер обмена содержит большой текстовый фрагмент. Вы хотите, чтобы этот текст был доступен другим приложениям после завершения работы с Word?]

Аванчеев исчез. Иванов уж не помнит, что вообще был некий Аванчеев. Не было и «Старого клина». Не ожидалось никакой публикации. Иванов просто бежал через рассыпающийся в прах город...

А Вы, небось, думали, что это очередная мотивашка? Делай, как считаешь нужным, и люди к тебе потянутся? Ну-ну.

ЗДЕСЬ НЕТ ГЛАВЫ.

Разливались две реки, бурлили беспокойными водами. Текли реки к югу и переходили к северу. А между ними уходил в перемолотую землю город, вывороченный наизнанку. Вместо безымянной аллеи топорщились искорёженные руины. И рвалось чёрное махровое одеяло пустыря, и лезло из разрывов что-то ещё черней, что-то несуществующее. Небеса шли книзу тяжёлой массой, и деревья-оглобли вспарывали небесам рыхлое облачно-лазурное брюхо. Здания, громоздившиеся кругом, были пусты – ни лестниц в них, ни квартир, ни жильцов. Пустота, заключённая в коробах из стен. Ибо они – декорация.

Иванов видел повсеместное запустение, видел, что не осталось людей в городе, но не знал, как спастись.

Залетел в комнату к семье, думая накрыть их собой от надвигающегося бедствия. Жена у него рыжеволосая да худенькая, как молодая осинка.

– Ты ведь выглядела иначе? Раньше, до всего, ты выглядела иначе, верно?!

– Ох, милый мой, – спокойно отозвалась жена. – Ты всегда был невнимателен к деталям.

Иванов замечает, что нет в комнате ни кровати, ни ребенка, и вопит во весь голос:

– Где моя дочь? Где моя дочь?

– Ох, милый. Да не было у нас дочери. Мертворождённая она.

– Разве?

Именно. Ибо она – слово. А слово – мертворождённо. Разве ты создаёшь? У тебя никого и ничего не осталось. И ты смотришь на свою жену... а у неё глаз нет. Только написано на бумажном лице – глаз один и глаз два.

Лицо рвётся в клочья, пляшет на ветру вихрем измученной бумаги, и вот уж совсем нет у тебя жены.

Delete.

Скажи мне, Андрюша, – разве искусство прекрасно? Разве это что-то про радость и самовыражение? Ты берёшь нож, препарировать им себя, вырезаешь частичку и отдаёшь миру – мир её затопчет, будь уверен. И будь этим счастливым.

И вот раздашь ты десятки таких частичек, а потом – р-раз – и нет ничего за душой. Дораздавался. Живи трупом.

А есть и иная жертва. Ты хочешь славы, хочешь денег – прогибаешься под чаяния рынка и сияешь сиюминутно. Знаешь, как это происходит на самом деле? Ты идёшь на дорогу – на большую дорогу – и кладёшь поперёк дороги своё тело. И шагаешь через него. Шагаешь через себя.

Нашёл ли ты себя, милый?

Да.

Я нашёл себя. Я нашёлся.

Я – Найдёныш.

И вновь Найдёныш пишет как проклятый. И взлетают реки, и текут города, и осыпается распоротое небо. Гнутя под его непомерной тяжестью деревья, ломаются пополам, валятся на пустырь и тонут в земле. Деревьев нет.

Маркировка «Е». Маркировка «Т». Найдёныш доделал бумажную домовину. А затем в припадке невиданного, злобного бешенства удалил всё от первой до

последней буквы. Давай, уничтожай, раз это никому не нужно.

Пересыхают реки, исчезают останки города.

Ни за что ни про что сгнули придиричивый редактор, его до невозможности формальный журнал, несуществующая женщина то ли с тёмными, то ли с рыжими волосами. И никогда не рождавшаяся девочка.

Delete.

Найдёныш выходит из кабинета, и кабинет позади него пропадает. Всюду лежит выжженная земля, и только выжженная земля. Даже небо снесло, как сносит крышу дома огненным ветром, и земляца стоит чёрная да неприкрытая.

Только это и не земляца вовсе, а сажа от тонн сгоревшей бумаги. Но и сажа рассеивается.

Найдёныш смотрит на свои руки и не видит их. Смотрит на свои ноги и не видит их тоже. И он понимает, что отсутствует.

Июль 2019 г.